

Николай Семёнович Лесков

Маланья – голова баранья

Николай Семёнович Лесков
МАЛАНЬЯ – ГОЛОВА
БАРАНЬЯ

В одном глухом и отдаленном от городов месте была большая гора, поросшая дремучим лесом. У подошвы горы текла река, и тут стояло селение, где жили зажиточные рыболовы и хлебопашцы. От этого селенья шла через лес дорожка в другую деревню, а на этой дорожке в стороне на полянке стояла избушка, в которой жила бедная женщина по имени Маланья, а по прозванию «Голова баранья». Так прозвали ее потому, что считали ее глупою, а глупою ее почитали за то, что она о других больше, чем о себе, думала. Если, бывало, кто-нибудь попросит о таком, что нельзя сделать без того чтобы лишиться себя каких-нибудь выгод, то такому человеку говорили:

– Оставь меня в покое; мне это не выгодно – вон там на пригорке живет Маланья-голова баранья: она не разбирает, чтоб ей выгодно и чтоб невыгодно, – ее и попроси, – она, небось, сделает.

И человек шел на пригорок и просил у Маланьи, и если она могла ему сделать, о чем он просил, – то она делала, а если не могла, то приветит, да приласкает и добрым словом

утешит, – скажет:

– Потерпи, – Христос терпел и нам велел.

У Маланьи избушка была крошечная, так что только можно было повернуться около печечки, а жили здесь с нею сухорукий мальчик Ерашка, да безногая девочка Живулечка сидела на хромом стуличке.

Оба они были не родня Маланье-голове бараньей, а чужие, – родных их разбойники в лесу закололи, а их бросили; поселяне их нашли и стали судить – кому бы их взять? Никому не хотелось брать безрукого да безногую, – никогда от них никакой пользы не дождешься, а Маланья услышала и говорит:

– Это вы правду, добрые мужички, говорите: без рук, без ног ничего не обрабатываешь, а пить-есть надобно: давайте мне Ерашку с Живулечкой. Случается, что мне одной есть нечего – тогда нам втроем веселей терпеть будет.

Мужички захохотали.

– Беззаботная, – говорят, – Маланья, – прямая ты голова баранья, – и отдали ей и Ераш-

ку, и девочку Живулечку.

А Маланья их привела и оставила у себя жить.

Живут часом с квасом, а порою с водою. Маланья ночь не спит: то богатым бабам пряжу прядет, то мужикам вязенки из шерсти вяжет, и мучицы, и соль заработает, и хворосту по лесу наберет – печку затопит и хлеба спечет, и сама поест, и Ерашку с Живулечкой покормит.

Сошлись перед вечером у колодца домовитые бабы и спрашивают Маланью:

– Как ты, Маланья-голова баранья, с ребятишками прокуратничаешь?

– А все хорошо, слава Богу, – отвечает Маланья.

– Чем же хорошо? ведь они у тебя несчастные!

– А тем, бабоньки, и хорошо, что они несчастные, – что на их долю немного нужно. Если бы они были посчастливее да позадачливей, – мне бы не послужить ими Господу Богу, а как они плохие да бездомные, что я им ни доспею – все это для них лучше того, как если бы я их не приняла да об них не подума-

ла.

Покивали бабы головами и говорят:

– А ты еще вперед-то подумала ли: что с ними будет?

– Нет, – говорит Маланья: – я об этом не думала.

– Да как же так можно? Надо всегда о переду думать!

А Маланья отвечает:

– Что пользы думать о том, чего знать невозможно, даст Бог день – даст и пищу на день, а ночью нам всем есть покой на печечке.

– И то правда, – сказали бабы, – они – плохие, – может быть, и умрут скоро на твое счастье! А Маланья руками замотала.

– Что вы! что вы! – говорит, – зачем смерть звать: я ее к себе на порог не хочу – пусть она за дверьми присохнет.

Домовитые бабы распотешились и рассмеялись:

– Ну, Маланья, – говорят, – голова баранья, – да какая же ты удалая да смешная: саму смерть у порога засушить хочет.

Пошла Маланья к Ерашке с Живулечкой – понесла им водицы напиться дать и ее согреть в горшке, да головенки вымыть у припечка, а бабы стоят у колодца, – вслед ей смотрят и пересмеиваются. А к ним из лесу выходит старый старичок, на две клюки опирается.

– Бабоньки, – говорит, – кто у вас тут есть на селе жив человек, что пускает к себе неимущего путника?

А бабы ему отвечают:

– А ты чей человек и как тебя звать по отчеству?

Старик отвечает:

– Странник я света божьего, и имя мне Живая Душа на костыльках; приустал в пути да уснуть хочу

– Мы не знаем тебя, – отвечали бабы, – и пустить к себе без мужиков не смеем, а мужики у нас строгие да грозные – придут, заругают нас.

– Что же, вы, видно, своих мужиков больше Бога боитесь. Бог-то, ведь, велел принять и покормить неимущего.

Бабы отвечают:

– И то правда твоя, странничек: Божье слово помним, а человеческого боимся.

Живая Душа покачала головой и говорит:

– А ведь это, бабоньки, по худу быть – так бы ведь вовсе не надобно. Пойду к самим мужикам: у них попрошусь.

Пошел к мужикам, и мужики его не пустили.

– Кто тебя знает, – сказали, – может быть, ты слабым прикинулся и сам разузнать хочешь, где у нас дорогое добро лежит, да ворам открыть, а может быть, у тебя на теле прыщи да вереды, а у нас избы чистые и полы стланные – иди-ка по тропиночке в гору, там есть бедная избушка – в ней живет Маланья-голова баранья, она всех пуцает и тебя пустит.

– Спасибо вам, добрые хозяева, – отвечал старичок Живая Душа и пошел к Маланье.

А Маланья увидела его из окна и послала безрукого Ерашку, чтобы звать его ужинать.

Ерашка добежал к старику и кричит:

– Иди-ко-сь, дедко: тетушка Маланья наварила горшок снытки, сольцой посолила, зовет тебя ужинать.

Старик Живая Душа погладил Ерашку по голове.

– И то, – говорит: – к вам иду. Другие-то не пускают.

И только влез в избу, – тесно стало и сесть не чем, а Маланья говорит:

– Садись, дедушка, со ребятками ешь, а я постою Сел дедко и поужинал, и заговорил по-учтивому и по-ласковому.

– Спасибо, – говорит, – тебе, что не спросила, откуда я и как меня звать по имени, а посадила хлеба есть. Я теперь пойду в лес – у тебя тесно – всем нам лечь негде.

– Что ты! что ты! Живая Душа божия! В лесу медведи и волки ходят – разве я тебя ночью туда выпущу! Всем место будет. Вот Ерашка на печку, а Живулечка за печку, а ты тут протянись, где простор опростается, а мое место найдется.

– Ну, будь по-твоему, – сказал старик, а сам думает «Где же это ей-то самой место будет?»

Лег, покрылся своей ветошью, да и уснул с одного вздоха от усталости, а после третьих петухов проснулся – и видит Маланья стоит на ногах и прядет кудель, которая у нее на ко-

лочек под потолком приткнута,

Посмотрел на нее старик одним глазком и говорит:

– Да ведь это ты, тетка, должно быть, и не ложились.

А Маланья отвечает:

– Да мне, Живая Душа, и не хотелось.

Старик покачал головой и говорит:

– Ну-ну-ну! Водил, водил меня Господь долго по свету; думал я, что позабыл он меня и покинул, а он привел меня в отрадное место и сподобил узреть любовь чистую. Скажи теперь мне за то в одно слово, что у тебя есть в желании – и тебе то у Бога и выпрошу.

А Маланья говорит:

– Что мне недостает? я и так всегда радостна, а желаю только, чтобы смерть моего порога не переступала, а если придет, так чтобы за дверью присохла.

Старик отвечает:

– Что ж, – так и будет.

Ушел старик, а смерть вот же тут и жалуется; наряжена богатой казачкой в парчовом шу-

гае с золотой пикою, юбка штофная, на боку стальная коса на золотой цепочке, чеканной на манер мертвых костей человеческих, вся рожа накрашена, черные зубы во рту белым платочком заслоняет и в избу просится.

– Покажи, – говорит, – мне детушек-голубятушек, я им принесла по медовому груздочку и по точеному яблочку.

А Маланья как взглянула на нее, так и признала ее, что это смерть, – вскричала ей:

– Хорошо им со мной и без яблочек, а тебя бы лучше не было, и присохни ты на одном месте.

Та и присохла и не может оторвать ног от того места, где пристала, а Маланья ее сухим хворостом заслонила, чтобы не видать ее было.

И славно бы дело сделалось, да пошли от селения ужасные стоны и слезы: сильный слабого теснит и бьет без милости, и нет на злодея в жестоком сердце его никакой угрозы, и как были люди жестоки, то стали еще жесточе того, и приходят к Маланье всякий день столько несчастных, сколько она во всю свою жизнь не видала, и она уже не может

помогать им, и слышит, как они плачут и смерть кличут: «Смертюшка-матушка, где ты заваялась! зачем мир покинула! приди, укрой нас от злодеев наших немилостивых – без тебя они зазнались без памяти!»

Тут Маланья ума хватилась.

– Это я, – говорит, – дура, все лихо надела-ла, захотела поправлять дела Божии – чему быть, а чему не быть сотворенному. И завяла смерть, а заслонена у меня кучкой хвороста.

– Ах, спусти ее, матушка, умиლოსердися! Ведь вот уже сто лет у нас ни одних похорон не было, и обессердечили люди жестокие, а мы состарелись, измаялись. Спусти ее и их убрать от больших грехов, и нас – от страдания.

И пошла Маланья, развалила хворост, а смерть-то так уж не румяною казачкой глядит, а как паутиночка, и коса у ней вся заржавела.

– Иди, куда тебя Бог послал! – сказала Маланья смерти: и та колыхнулась и поплыла к селу паутинокою по сжатому полю, и послышался вскоре погребальный звон, и перекрестились бедняки и встрепенулись богатые му-

жики.

– Мы, было, думали, – она навсегда кончилась, а вот она, как змея, из хворосту выско-
чила. Нельзя век лютовать и властвовать.

А убогие крестились и сами в гробы ложи-
лись.

– Устали, – говорят, – наши косточки – на-
силу дождалась земли горсточки.

И обошла смерть все село за лесом и убра-
ла все, что было нужно убрать, – а с другими
вместе и Ерашку, и Живулечку, потому что
было уже и безрукому, и безногой более чем
по сту лет, а Маланья осталась жить и все жи-
вет, как прежде жила, и все то же делает, что
и прежде делала, и все те умерли, кто звал ее
«Маланьей-головой бараньей», и сама она это
имя позабыла. И как смерть обойдет весь свет
да придет к ней и спросит:

– Как тебя звать?

Она старается вспомнить и никак вспом-
нить не может и говорит:

– Не знаю – верно, мое имя переменялось.
Смерть стала вопрошать; «как имя этой жен-
щине?» А ей в ответ и упал с неба белый, как
снег, чистый камень, как сердце обточенный,

и на нем огнистым золотом горит имя: «Любовь».

Увидела это смерть и сказала:

– Ты не моя, – нет твоего имени в моем приказе: любовь не умирает: ты доживешь до тех пор, когда правда и милосердие встретятся, и волк ляжет с ягненком и не обидит его.

Прокуратить – проказничать, отлынивать от работы.

Notes

[^^^]